

СКОРБНОЕ МОЛЧАНИЕ БРАТСКИХ МОГИЛ

Не зря говорится, что без прошлого не бывает будущего. Есть люди, которые считают своим долгом увековечить и сохранить историческую память. И это становится не просто профессией или хобби, а делом всей жизни. Заведующая кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета, член республиканской группы по расследованию геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, кандидат исторических наук, доцент Алеся Корсак — из их числа.

История государства через призму семьи

...Мы встречаемся у стен Полоцкого госуниверситета. На улице, несмотря на осень, еще по-летнему яркие праздничные краски. Вот только разговор предстоит серьезный. В руках собеседницы — тяжелый том-справочник с длинным названием «Воинские захоронения и места массового захоронения на территории Новополоцка, Полоцка и Полоцкого района». Работе над этим изданием наша собеседница вместе с единомышленниками отдала пять лет.

— По-другому быть не может, — утверждает Алеся Иосифовна. — Война для нашей семьи — это животрепещущая тема. Родовую летопись военных лет уже хорошо знают и мои сыновья — 11-летний Кирилл и 6-летний Марк. Несмотря на то что родных, переживших Великую Отечественную войну, к сожалению, уже нет в живых, их рассказы — неотъемлемая и очень важная часть семейной биографии.

Дедушка собеседницы Франц Викентьевич — фронтовик, ефрейтор-артиллерист. Он освобождал Кенигсберг. Бабушка Евдокия Константиновна вместе с родителями и тремя сестрами жила на Поставщине, где зверствовали фашисты. Ей

было 14 лет, когда оккупанты проводили операцию «Нюрнберг», сжигая населенные пункты. К счастью, хуторян предупредили партизаны, они успели убежать в лес. Вторую бабушку Ирену Филипповну чуть не увезли в концлагерь. В многодетной семье было шестеро детей. Когда фашисты отбирали подростков для принудительных работ в Германию, то 15-летней Иренку оттолкнули в сторону: уж слишком низкорослой и худенькой выглядела девочка — какой из нее работник?!

— С семьи начинается история государства, — говорит Алеся Иосифовна. — И все события нужно рассматривать именно через призму отдельных семей. Возможно, непростая судьба родных мне людей, непосредственных участников и свидетелей тех далеких трагических лет, и стала основополагающим фактором при выборе профессии.

Алеся Корсак окончила исторический факультет ВГУ имени П. М. Машерова. Потом еще три года училась в аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию. Тема не совсем обычная и довольно сложная: геноцид еврейского населения на территории Витебской области в 1941—1943 годах. Почему именно она?

— Расследованием фактов геноцида в годы Великой Отечественной войны будет заниматься еще не одно поколение истори-

Алеся КОРСАК.

Мемориальный комплекс «Курган Бессмертия».

Забывать не имеем права

— Получается, что работа над этим объемным справочником по захоронениям тоже стала продолжением уже начатого? — делаю вывод.

— Я не могла остановиться: слишком много неизведанного открылось, с этим нельзя было мириться. Хотелось внести свой вклад в восстановление исторической справедливости. Мы не имеем права забыть ни одного защитника Отечества. А сколько еще неизвестных захоронений в белорусской земле? Некому было бумаги оформлять, когда фронт шел... Да и за прошедшие годы некоторые документы оказались утерянными, нередко разногласия в фамилиях. Во всем этом следовало разобраться. С помощью специалистов из групп по увековечению памяти, военкоматов, архивов, свидетельских показаний...

Алеся Корсак вспоминает, как ее квартира была похожа на штаб. В коляске — трехмесячный сынишка, сама в отпуске по уходу за ребенком, а на полу — таблицы, книги «Память», огромнейшая карта военных времен.

— Систематизировать информацию по воинским могилам на территории Беларуси начали лишь в 1949 году. Представляете, сколько данных было утеряно за пять лет? Тем более что захоронения мирного населения тогда вообще никто не учитывал. Что касается военнопленных, то их в первые послевоенные годы считали изменниками Родины. Где-то таблички ставили, где-то нет. На отдельных писали мелом... Жителей сожженных деревень хоронили прямо на пепелищах или на гражданских кладбищах в общих могилах...

Период перезахоронений, когда из небольших братских могил погибших свозили на крупные мемориалы, тоже не прошел бесследно.

— Акты перезахоронений хранились всего пять лет, не было доступа к архивам и именно списку потерь. Анализируешь данные из различных источников — и видишь: в результате перезахоронения «потеряли» фамилии пятерых жертв, — рассказывает доцент. — Опять сверяешь информацию. На карте отмечаешь: когда, куда и сколько... Очень кропотливая работа. Однажды столкнулась с полными тезками: фамилии, имена, год рождения, место — все совпадает. Получается, человека дважды записали в погибшие? И только подняв архивные данные о семье, увидела: матери разные. Значит, нет ошибки...

Так что издание справочника стало важным делом: память бесценна. Следующий проект — это еще два года жизни. В составе международных авторских коллективов ученых России и Беларуси Алеся Корсак занималась научно-исследовательской работой, посвященной пограничью. Впервые в истории ученые анализировали вопросы

взаимодействия различных сторон власти: немцев — с жителями оккупированной территории, партизан и коллаборационистов — с населением. Изучали формы и методы противодействия оккупантам, аппараты карательных структур. В зоне особого внимания — места памяти, сожженные деревни, судебные процессы над военными преступниками.

Злодеяния не прощаются

Включение в состав республиканской группы по расследованию геноцида белорусского народа стало для нашей собеседницы закономерным итогом многолетней научно-исследовательской работы. Алеся Корсак не только продолжила начатое, но и стала обрабатывать новые направления.

— Почему-то никто раньше не оценивал жертв фашизма через национальный аспект. Я имею в виду не столько еврейское население, сколько цыган. Ведь их фашисты ставили на одну планку с евреями. И убивали так же жестоко. Обобщив данные, можно сделать вывод: официально погибло около 3 тысяч представителей цыганской диаспоры. Но, уверена, реальная цифра намного больше. Не везде на памятниках указывали национальность, да и цыгане — народ кочевой, безучетный. А ведь только в полоцком мемориале «Урочище Пески», по некоторым данным, их покоится около 100 человек. Нужны более тщательные исследования...

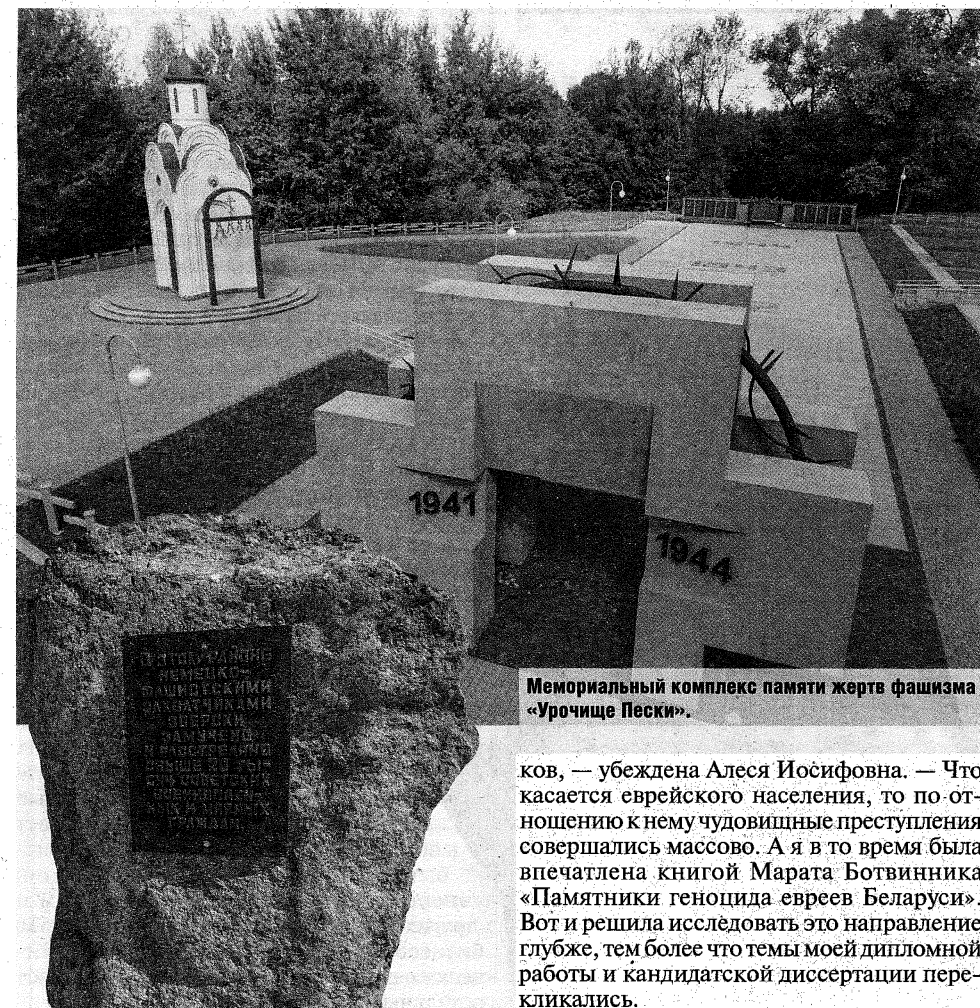
— Алеся Иосифовна, что вас больше всего впечатлило во время работы в составе группы? — задаю вопрос на прощание.

— Свидетельские показания, — отвечает героиня. — Мы перелопатили горы архивной документации. По каждому месту расстрела или сожжения людей — 5—6 в основном рукописных документов. В целом по району — это 1—2 дела объемом в 300—600 страниц. Читаешь и ужасаешься зверству фашистов, сердце кровью обливается...

Одна из таких трагедий, признается историк, навсегда останется в ее памяти.

...Члены ЧГК опрашивали мать, потерявшую троих детей. Она рассказала, как каратели перед сожжением стонали их в избу. Начали стрелять. Годовалая малышка погибла на руках: пуля попала ей прямо в висок. Автоматная очередь скосила и рядом стоявшую старшую доченьку. А 9-летний сын был ранен. От неимоверной боли он душераздирающе кричал: «Ма-а-а-амочка, спаси!» А она, залитая своей и детской кровью, разрывалась между желанием броситься к страдающему ребенку и страхом открыть глаза: ведь нацисты, поняв, что живая, убьют и ее. Малышка пристрелили...

Елена БЕГУНОВА
begunova@sb.by

Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма «Урочище Пески».

ков, — убеждена Алеся Иосифовна. — Что касается еврейского населения, то по отношению к нему чудовищные преступления совершались массово. А я в то время была впечатлена книгой Марата Ботвинника «Памятники геноцида евреев Беларуси». Вот и решила исследовать это направление глубже, тем более что темы моей дипломной работы и кандидатской диссертации перекликались.